

Лучший художественный гид по ЛАТВИИ



Наталия
ПОЛЯНСКАЯ

Город
на янтарном
берегу

Наталия Полянская
Город на янтарном берегу
Серия «Гид путешественника»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5815555
Город на янтарном берегу: Эксмо; М.: 2013
ISBN 978-5-699-64445-2

Аннотация

Вылетая из Москвы в Ригу, Катерина не знала, что ее ждет не только встреча со сказочным городом, но и настоящие приключения, авантюры и – главное – любовь! Старинные мощные улочки Риги приведут ее напрямик к счастью... Если, конечно, удастся разобраться в их лабиринте и с честью пройти через все препятствия, сохранив при этом твердость духа и веру.

Содержание

1	5
2	10
3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Наталия Полянская

Город на янтарном берегу

*Моему любимому городу
и людям, живущим в нем*

Направление: Латвия, Рига

Разница во времени с Москвой: —1 час

Как добраться до Риги:

Прямые рейсы из Москвы и Санкт-Петербурга:

«Аэрофлот», «AirBaltic», «UTair», «Трансаэро» и другие. Время полета – приблизительно 1,2 часа.

Прямые поезда раз в день зимой и дважды в летний период из Москвы, раз в день из Санкт-Петербурга.

Автобусы Ecolines из Москвы и Санкт-Петербурга – ежедневно.

1

*Так началось: на востоке, из-за семи
отдаленных
Царств семи королей, с края света,
где солнце восходит,
Облако белое в небе, как белый конь,
появилось.¹*

Самолет приземлился в половине двенадцатого вечера, а пока прошли паспортный контроль, так и вовсе наступила полночь. Катерина немного опасалась этого самого контроля – в конце концов, за границу она выезжала в первый раз, и паспорт у нее был новенький, чуть ли не хрустящий, с такой же новенькой и будто бы немного удивленной визой, – но симпатичный белобрысый парень бросил туда лишь короткий взгляд и сказал что-то по-латышски. Поприветствовал, наверное. Это Европа, тут все вежливые.

Прекрасный миф, как сказала бы мама.

Долго ждали выдачи багажа. Резиновая лента все никак не желала сдвинуться с места и вынести усталым пассажирам их вожаделенные чемоданы. И хотя летели недолго, меньше двух часов, день оказался длинный, у Катерины так точно. Судя по пасмурным лицам других пассажиров, они также не прочь побыстрее оказаться в тепленьких постельках.

В Катином случае эту постельку еще нужно было найти. Но в Сети писали, что расстояния в Риге смешные, таксисты имеются, и вообще – не дикая страна. Дикая, надо полагать, та, где сразу по прилете тебя берут в кольцо вооруженные люди в масках и так сопровождают от достопримечательности к достопримечательности, недвусмысленно передергивая затвор каждый раз, когда тебе вздумается заглянуть в путеводитель.

Катерина усмехнулась. Слишком живое воображение, говорила мама.

Не надо сейчас думать о маме.

Видимо, чтобы помочь Катерине выполнить эту задачу, табло мигнуло, и наконец начали выгружать багаж.

Здание аэропорта было гулким, по-ночному пустым – вечерние рейсы отбыли, утренние пока не начинались. Следом за пассажирами Катя вышла к веренице ожидающих такси и неуверенно затопталась на месте. Она читала, что здесь прямо в машинах принимают карточки, однако такому счастливому совпадению не верила, пока не увидела на лобовом стекле ближайшего такси характерную наклейку со значком «Visa».

Водитель, некрасивый лысоватый мужик, подхватил легкий Катеринин чемоданчик и сунул в багажник, а она между тем устроилась на пассажирском сиденье впереди и пристегнулась – на всякий случай. Она всегда пристегивалась. Всегда мыла посуду сразу после еды. Всегда ходила к врачу, если что-то сильно заболит или если действительно простудилась. Так было правильно.

– Вы карточки принимаете? – уточнила она на всякий случай.

– Конечно, – буркнул мужик. По виду он был типично русский, однако кто его знает... Вдруг прямо здесь и ребром встанет национальный вопрос, о котором Катерина тоже начиналась так, что уже не понимала, есть он или нет.

Однако таксист только поинтересовался, куда ее везти; Катерина показала ему распечатку с адресом, водитель молча кивнул, и машина тронулась с места.

¹ Здесь и далее эпиграфы из поэмы Андрея Пумпурса «Лачплесис» в переводе В. Державина.

Шоссе, ведущее к городу, было почти пустынно, лишь редкие автомобили проносились мимо. Работало радио, играя негромкую музыку, иногда начинала шипеть рация, а в приоткрытые окна врвался теплый и вкусно пахнущий июльский воздух. В нем был какой-то привкус, оттенок, и Катерина, потянув носом, вдруг догадалась: это море.

Морем пахнет. Оно совсем близко.

От этого немедленно улучшилось настроение.

Светофоры почти все мигали желтым; проехали мимо большого торгового центра, мимо старого жилого квартала, где стояли в основном деревянные дома, и после очередного перекрестка вдруг открылось пространство пошире. Машина проехала по мосту, впереди уже маячил следующий, свет падал на натянутые ванты, и, когда такси выехало на него, Катерина вздрогнула и чуть подалась вперед.

Центр города оказался прямо перед ней, стоял над рекой, бултыхая в ней фонарные отражения, и хотя подсветка башен была выключена, они все равно вырисовывались на фоне неба. Сейчас не разглядишь толком, но Рига с первого взгляда показалась Катерине тем самым городком из табакерки, о котором все или почти все читали в детстве.

Сказочный, присыпанный золотыми искрами городок.

Ей расхотелось спать, и она жалела, что машина едет так быстро.

Таксист въехал в Старый город, и по сторонам встали молчащие каменные дома. Катерина и опомниться не успела, как такси остановилось, и она вдруг увидела, что рядом на стене здания светится логотип гостиницы.

– Приехали, – сказал водитель.

Счетчик показывал 10.23 – здесь была своя валюта, латы, и на российские рубли это выходило... кажется, что-то около пятисот. Катерина протянула карточку, таксист извлек из бардачка переносной кассовый аппарат для считывания и без проблем прогнал через него поданную «Визу». После чего высадил Катерину, выгрузил чемодан, пожелал приятного вечера да и был таков.

Катерина огляделась. Чистая брусчатка блестела в свете фонарей, на улице было тихо, ни единого человека. Мертвое царство, а она, по всей видимости, заколдованная принцесса. Вздыхнув, Катерина поднялась по ступенькам и вошла в фойе.

Гостиницу она выбирала долго; непременно хотелось, чтобы в центре Старого города, чтобы вокруг было неизвестное, ибо в таких местах жить еще не доводилось. Если уж попадаешь в чуждую среду, стоит находиться в самом ее центре. Эта гостиница понравилась Кате и по виду, и по отзывам, и по общению: когда она написала, что прилетает поздно, ей вежливо ответили, что ее непременно дождутся.

Дежурившая на ресепшен девушка при виде гостьи встала и улыбнулась.

– Добрый вечер.

– Добрый, – согласилась Катерина, достала из сумочки свой новенький паспорт и положила на стойку, а следом за ним – распечатку брони. – Я вот...

– Конечно, добро пожаловать. Заполните, пожалуйста, вот это, – девушка бодро подсунула Катерине какую-то бумажку, – и я провожу вас в номер. Вы бронировали стандартный, верно?

– Да.

– Вы в первый раз в Латвии, как мы поняли?

Катерина удивилась, но кивнула. В письме она действительно упоминала об этом.

– Тогда мы очень надеемся, что вам понравится, – улыбнулась девушка. – Завтрак с семи до десяти, где ресторан, я вам покажу по дороге. Если что-то понадобится, обращайтесь.

– Спасибо...

Катерина быстро заполнила бумажку на въезд и пошла следом за милой девушкой куда-то в глубь отеля. Было спокойно и тихо, в коридорах мягко светили лампы, ковер гасил звук шагов. Номер оказался на втором этаже, довольно простой, без изысков – именно то, что нужно. Девушка попрощалась и ушла, оставив Катерине карточку-ключ и показав, как ею пользоваться, и можно было наконец подвести итог.

Катерина оставила чемодан посреди номера, села на край кровати и подвела некоторые итоги.

Она в Риге. Это кошмарная, ужасная авантюра, и еще можно сбежать. Она решила на это и не могла поверить, что решила. Даже сейчас, сидя в номере посреди Старого города, Катерина пыталась убедить себя, что ничего особенного не произошло.

Дело не в городе, а в людях. Вернее, в одном человеке.

Нет, сейчас об этом размышлять совершенно не нужно. Все будет завтра. Или послезавтра. Или не будет вовсе.

Катерина потеряла глаза, посмотрела на часы и решила, что пора спать. Она сыграет в Скарлетт О'Хара и «подумает об этом завтра», а сейчас ее ждет чистая постель, скрытая под полосатым покрывалом, а перед этим – чемодан и душ.

Прежде чем отправляться ко сну, Катерина подошла к окну. Оно выходило на ту самую улицу, по которой ее привезло такси, и это почему-то показалось хорошим знаком. Глупые маленькие личные приметы, которые есть, наверное, у каждого, – еще один прекрасный миф.

Катерину разбудил застрявший в волосах солнечный луч и истощное попискивание будильника. Не открывая глаз, она нашарила мобильный телефон и выключила сигнал.

Откуда, интересно, солнце? Улица узкая, как кишка дракона, и вряд ли солнышко заглядывает сюда так рано. Катерина откинула одеяло, потирая глаза, подошла к окну, на котором вчера не задернула занавески, и увидела разгадку: солнце отражалось в жестяной крыше какой-то башенки, башенка, в свою очередь, отражалась в окне напротив, и таким образом утро забиралось туда, куда нужно.

Улыбнувшись, Катя пошла умываться.

Она оделась и спустилась в ресторан, расположение которого умудрилась запомнить не иначе как чудом. Вообще-то Катерина обладала таким ценным и, несомненно, полезным умением, как топографический кретинизм. Нет, она не могла заблудиться в трех соснах (хотя бы потому, что никогда не ходила в походы), а вот заплутать в незнакомом городе – запросто. Нужно взять с собой карту, хотя и говорят, что центр Риги невелик. Велик или невелик – Катерина все равно навернет по нему пятнадцать кругов, прежде чем сообразит, что блуждает.

Шведский стол оказался выше всяких похвал. Со своими коллегами Катерина иногда посещала выездные мероприятия, когда выезжали на пару дней в Подмоскowie или еще подальше, в Тверскую область, занимали половину какого-нибудь дома отдыха, и это называлось красивым иностранным словом тим-билдинг. По-русски – построение команды, вот как. Вернее, сплочение. Сплоченность достигалась после того, как все садились есть и записывать эту еду спиртными напитками, и после этого семинары можно было смело отменять, общество и так становилось душевнее некуда. Катерина не уставала поражаться, как те же самые люди, в Тверской области в обнимку певшие «Черный ворон, что ж ты вьешься», потом до слез лаялись в редакции. Впрочем, она с ними не пила и не пела – может, в этом все дело. Зато и не лаялась. Она вставала раньше всех, выходила к шведскому столу и выбирала себе вкусненькое, пока не налетела стая голодной саранчи, испытывающей жажду с похмелья и желание чем-то сразу закусить.

Здесь саранча тоже имела, но какая-то интеллигентная, да и размеры шведского стола радовали неимоверно. Катерина положила себе омлет и салат, и хлеб взяла, и сыр с колбасой, а на десерт присмотрела розовощекое яблоко и персик. Оказалось, что свободных

столиков довольно много, и удалось устроиться в уголке: спина прикрыта, весь зал как на ладони и никто незаметно не подойдет. Вряд ли тут кто-то станет подкрадываться и разыгрывать незнакомого человека, но многолетняя привычка давала о себе знать. Катерина ела омлет, рассматривала людей – немецких бизнесменов, маму с двумя детьми, сосредоточенного пожилого мужчину, читавшего газету, – и пыталась осознать, что она в Риге.

Она здесь и пробудет десять дней, вполне достаточно для того, чтобы осуществить задуманное. Если, конечно, пороху хватит. Сейчас Катя чувствовала себя гораздо менее уверенно, чем в Москве. Два года она уговаривала саму себя сделать это, два года решалась, решилась наконец и вот сидит в центре незнакомого города и собирается... нет, для начала она собирается прогуляться.

При мысли об этом стало весело и немножко стыдно – так всегда бывает, когда идешь на компромисс с совестью и откладываешь на потом дело, которое хорошо бы сделать немедленно. Вроде бы ничем эта проволочка не грозит, все зависит исключительно от Катерины, она может позабыть о своем решении и провести эти десять дней как обычная туристка. Никто не узнает, нашептывал внутренний голос. Никто не знает, что ты задумала. Ты можешь остановиться в любой момент, ты можешь вообще ничего не делать, это будет просто решение – и все.

Катерина глубоко вздохнула и запила сомнения апельсиновым соком. Глупо останавливаться, когда ты уже почти добралась до цели. Наверняка все планы посыплутся, как картонный домик, стоит только сделать первый шаг. Ведь столько лет прошло... Катерине почти хотелось, чтобы так и вышло. Тогда совесть окажется спокойна, а ей самой будет не страшно. Она сможет сказать себе: вот, я пыталась, у меня не вышло, и я могу больше не пытаться, хватит одного раза.

Так оно и получится, так она и сделает, а сегодня у нее просто день знакомства с городом.

Она вышла на улицу – и оказалось, что там очень тепло, даже жарко, и по сравнению с ночью очень, очень людно.

Гостиница, в которой остановилась Катерина, занимала помещения средневекового постоянного двора, однако ее и все, что рядом с нею, можно будет осмотреть позже. Сменившая ночную дежурную женщина, разговаривавшая с ощутимым акцентом, дала Кате карту города и обозначила на ней расположение гостиницы. Если пойти направо, то придешь... куда-то к рынку, кажется. Если пойти налево, попадешь на площадь Ливов. Катерина выбрала площадь.

Она медленно пошла по улице, чувствуя под тонкими подошвами босоножек гладкую брусчатку. Камни лежали неровно, некоторые выбивались. Интересно, это настоящая историческая мостовая? Или ее перекладывают раз в десять лет? Может ли так быть, что по этим камням ходили рыцари и монахи, или это все аттракцион вроде Диснейленда?

Катерина смутно понимала, что следовало захватить с собою в поездку какую-нибудь подругу, да вот беда – у нее в последние несколько лет не было таких подруг, которых можно терпеть рядом с собою десять дней и надеяться, что ее вытерпят в ответ. Никого из редакции позвать нельзя, они там все шумные, яростные, как будто прямо завтра на баррикады – а ведь не желтая пресса и даже не политическая газета, обычный финансовый еженедельник со скучными цифрами и навевающими тоску графиками. Пришлось ехать одной, и теперь Катерина об этом пожалела, хотя и знала, что все равно не решилась бы никого впутать в свою авантюру.

Такие вещи нужно переживать одной.

По-другому она особо и не умела и окончательно разучилась два года назад.

Поймав себя на этой мысли, Катерина рассердилась. Да, она никогда не бывала за границей, и даже в Крым они с мамой не выезжали – летали отдыхать в Сочи. Да, она понятия

не имеет об этих туристических правилах, хотя и прочитала гору информации в Интернете, такую здоровенную гору, что сейчас не могла ничего толком вспомнить. Да, она не храбрый покоритель вершин и не человек, который всегда и везде выживет, будь то реальные или городские джунгли. Но это не значит, что она не может наслаждаться тем, что видит. Какая разница, как она это делает. Она будет просто ходить и смотреть по сторонам, а иногда читать путеводитель, а еще иногда щелкать «мыльницей» – этого вполне хватит. Катерина надеялась, что город сам захватит ее и подарит какие-то впечатления. Все когда-то случается впервые.

Она вышла на оживленную площадь и остановилась, жмурясь от яркого солнца.

Площадь Ливов – небольшая площадь в Старой Риге, образовавшаяся после войны за счет снесенных зданий, разрушенных во время бомбардировок.

Здесь находится несколько достопримечательностей (здания гильдий, Кошкин дом).

Тут была жизнь. Множество летних кафе, уже открытых и наполовину заполнившихся, смешные плетеные тележки, с которых торговали сувенирами, стая ленивых голубей, спешащие люди, цветные брызги клумб... Июльская Рига вдруг оказалась разноцветной, теплой, немного суматошной, и Катерина слегка растерялась. В этот ритм нужно вписаться, но как? Она его еще даже не почувствовала.

Девушка забросила карту и путеводитель в сумку и решила идти просто так. Черт с ними, с достопримечательностями, если исторический центр невелик, они и так никуда не денутся. Надо понять, чем живет это место, чего оно хочет, как с ним обращаться. Места иногда казались Катерине гораздо живее людей.

Повесив матерчатую сумку на плечо, Катерина, не думая, пошла направо, туда, где вдалеке виднелся то ли памятник, то ли высокая стела. Было около десяти часов утра, рабочий день, понедельник, и Старый город заполнили в основном приезжие, туристы, и все двигались в том же направлении, что и Катерина.

Она вертела головой, пытаясь ухватить все сразу: фасады, цветочные палатки, вспышки ехидного солнца в стеклах, железные столики у летнего кафе, красиво оформленные витрины магазинов, теплые россыпи янтаря на лотках – и понимала, что, даже если ей не удастся задуманное, дел все равно хватит. Можно рассматривать это до конца жизни, а уж десять дней – это такая малость!

Никуда не торопясь и не строя планов, Катерина вышла к площади побольше, на которой, по всей видимости, древняя часть города заканчивалась и начиналась деловая. Тут был сквер, каменная штукавина посреди площади оказалась все-таки памятником, и стояли забавные желто-коричневые часы, на которых красовалась надпись «Laīma». Под часами маялся один парень с букетом и два без букетов. Катерина улыбнулась: ну, все понятно, место встреч. Наверное, хорошо ждать кого-нибудь под этими часами, раскрашенными в теплые цвета, выглядывать «своего» человека в толпе, а выглядев, радостно ему махать. Еето, конечно, тут никто не ждет, но представить-то можно?

Она полюбовалась на часы и решила, что дальше отправится в сквер, где поблескивала вода – то ли канал, то ли озеро, – когда кто-то у нее за спиной удивленно спросил:

– Катя?!

2

*«Где ты, братец, запропастился?
Уж не с Лачплесом ли повстречался?
Только быть не может этого!
Заблудился он во льдистом море
И оттуда не воротится...»*

«Только не это, – подумала Катерина, похолодев. – Не может быть, чтобы мне так фее-рически, глупо, легендарно не повезло».

Не может быть, чтобы это был... он.

Бежать оказалось поздно, и Катерина медленно обернулась.

Судьба не сжалилась над нею – это действительно был он. Стоял в метре от Катерины, засунув руки в карманы, и смотрел на нее так, словно увидел перед собою привидение. Наверное, Катерина в какой-то мере и была для него привидением, и предпочла бы таковым оставаться до скончания времен.

Годы работы среди буйных финансистов научили Катерину держать лицо в любых обстоятельствах, а потому девушка надеялась, что улыбка у нее вышла сейчас достаточно непринужденной и в голосе прозвучало только вежливое удивление.

– Данила-мастер?

Он усмехнулся.

– Точно, это ты. Вот так сюрприз! Я глазам не поверил. Приехала в отпуск?

– Да, – согласилась Катерина, – в отпуск.

И отвела глаза.

Она не могла долго на него смотреть – для нее он сиял гораздо ярче солнца, больно, ослепительно. Задрожали руки, во рту стало сухо. Нет, бегство не поможет, придется терпеть. И она ведь умеет вести светские разговоры, не так ли?

– А ты... тоже в отпуске?

– Нет, я здесь работаю.

Тут она удивилась и снова посмотрела на него:

– Ты ведь говорил, что очень любишь Москву!

– Оказывается, можно любить два города одновременно, представляешь? Я и не знал, что на такое способен, пока не попробовал. – И добавил сразу: – Катя, как хорошо, что я тебя встретил! Я тебя сто лет не видел. Ты торопишься?

Она покачала головой. Врать Даниилу Серебрякову она никогда не могла.

– Очень хорошо, – сказал он таким тоном, что Катерина поняла: скажи она, будто ужасно спешит спасти Землю от несущегося к ней гигантского метеорита, Даниил бы ее даже слушать не стал и все равно поступил по-своему. – Тогда я приглашаю тебя выпить кофе. Ты ведь пьешь кофе.

– А ты... ты сказал, что работаешь, – уцепилась Катерина за последнюю крохотную надежду. – Тебе не надо на работу?..

– Давно мы с тобой не виделись, – заметил Даниил. – Я сам себе работодатель, а сегодня у меня запланированная творческая депрессия. Если у тебя нет особых планов, я бы тебя украл у вечности на час-другой.

Он всегда выражался довольно странно, однако непостижимым образом Катерина понимала, что именно Даниил хочет сказать. За каждой витиеватой фразой пряталась бездна подтекстов, и иногда это превращалось в увлекательную игру: отгадать, правильно перевести, словно шифровку из Центра. И как оказалось, умение не утрачено: сейчас Катерина

откуда-то точно знала, что Даниил рад встрече и действительно хочет общения. А вот хочет ли она сама? Впрочем, деваться было некуда, ловушка захлопнулась.

– Ну... ладно. Если это не идет вразрез с твоими планами...

– Идем. – Он кивнул в том направлении, откуда Катерина пришла. – Есть хорошая кофейня в двух шагах, там прекрасные завтраки. Ты завтракала?

– Да, в отеле.

– Где остановилась?

– Там, – она махнула рукой. – Тоже недалеко, в центре. Двор Конвента, кажется, так называется.

– Неплохое место.

Кофейня действительно оказалась совсем рядом, не доходя до площади Ливов, и даже столик обнаружился свободный. Даниил пододвинул для Катерины стул, подождал, пока она сядет, и сам уселся напротив, бросив небольшую кожаную сумку на пустовавшее место. Здесь еще лежала тень, но Катерина не стала снимать солнечные очки – они хоть как-то защищали от его взгляда.

Даниил изменился. Волосы еще больше отросли, и он собирал их в хвост, кончик которого болтался где-то в районе лопаток. Он стал чисто бриться, небрежная щетина исчезла, и кажется, еще больше раздался в плечах, хотя и раньше не отличался скромными габаритами. А вот зеленые глаза сверкали совсем как прежде.

– Вот так история, – негромко сказал Даниил. – Я совсем не ожидал тебя встретить.

– Это взаимно, – вздохнула Катерина. Ну почему она пошла направо, а не налево? Сейчас бы любовалась какой-нибудь достопримечательностью и чувствовала себя превосходно. А теперь желудок скрутился узлом, коленки противно дрожат, и чувство нелюбви к себе за эту слабость превосходит все мыслимые пределы.

– Но мы встретились, и это к чему-то хорошему. Хотя бы к кофе... А, спасибо! – он взял у подошедшей официантки меню. Катерина открыла поданное ей и посмотрела на страницу, ничего не видя. Она не хотела ни есть, ни пить. Она хотела оказаться подальше отсюда. Сердце колотилось где-то в горле. – Так, мне вот этот омлет с сосисками, кофе во френч-прессе и минеральную воду.

– Мне вот это, – Катя ткнула наугад куда-то на странице с горячими напитками и, видимо, куда-то все-таки попала, потому что официантка кивнула, записала заказ и ушла.

– Ну, рассказывай, – потребовал Даниил, подавшись вперед и положив локти на стол. На правой его руке был широкий кожаный браслет с фигуркой скачущей лошади, на левой – два кожаных с серебряными вставками и узорами, похожими на кельтские. – Как ты живешь? Куда ты пропала? Как мама?

Катерина сглотнула, помолчала. Нет, хорошо все-таки, что не сняла очки...

– Мама умерла.

Его лицо сразу закаменело, словно кто-то коснулся Даниила Серебрякова волшебной палочкой и попытался превратить в камень.

– Извини. Извини, Катя, я не знал.

– Конечно, – сказала она поспешно, – откуда ты мог знать! Все в порядке, Дань. Уже два года прошло.

– Для таких вещей сроки... условны. – Он вдруг протянул руку и коснулся Катерининой, и она непроизвольно сжала пальцы. – Я соболезнаю. Почему ты не позвонила Анжеле или еще кому-нибудь из нашей старой компании? Мы бы... поддержали.

– А ты все еще с ними на связи? – Катерина решила, что пора сменить тему.

– Конечно. Мы встречаемся не так часто, как хотелось бы, но иногда... Нам тебя не хватало, Катя. Ты так внезапно исчезла. Это показалось странным.

– У меня были семейные обстоятельства. – Она повторяла эту фразу часто и хорошо выучила. – И мне требовалось побыть одной.

– Уважаю твои желания. Надеюсь, сейчас я не слишком-то настаивал на распитии кофе?

– Будем считать, что не слишком.

Он счел это шуткой и улыбнулся. Пора заканчивать с сеансом психотерапии, имелись на свете и более безопасные темы для разговора.

– Как ты оказался здесь? Это, наверное, интересная история...

Рыбка заглотала наживку сразу.

– Мы с тобой сколько не виделись? Шесть лет? – Катерина кивнула. – Ну так вот, пять лет назад мне очень надоело работать на чужого дядю, и я решил, что пора пускаться в свободное плавание. Открыл свой бизнес, начал его продвигать, дело пошло. Три года назад я приехал сюда по делам и вдруг понял, что хотел бы пожить в этом городе. Родители привозили меня сюда пару раз летом, когда я еще был подростком, и это, видимо, оставило отпечаток. Вдруг проснулось вдохновение, как по волшебству отыскиались возможности... Теперь живу на два дома, часть времени провожу здесь, часть в Москве, езжу по миру. Сейчас я здесь, потому что на выходных открывается ювелирная выставка, достаточно крупная по местным масштабам. Они здесь случаются достаточно редко, и потому это уникальная возможность...

Официантка принесла на подносе огромную тарелку с омлетом и сосисками для Даниила и много-много кофе. Оказалось, что Катерина удачно ткнула в большую чашку капучино. Можно было бы узреть в том благоволение судьбы, если бы судьба пятнадцатью минутами раньше так не нагрела ее с Даниилом. Хотя, возможно, это компенсация. Катерина зачерпнула ложечкой немного пенки и решила, что компенсация годится.

Можно немного расслабиться. Катерина встретила Даниила Серебрякова, и небеса не обрушились на землю. С ним вполне можно общаться почти как раньше. Они всегда были просто друзьями, вот пусть так и останется. Конечно, она еще не раз пожалеет, что не сбегала, едва услышала его голос. Но, возможно, это шанс навсегда с Даниилом распрощаться? Последняя возможность... закрыть все счета.

– Ты впервые в Риге? – спросил Даниил.

– Я вообще впервые за границей.

– Да ты что?! – Он оторвался от еды и посмотрел на Катерину так, словно она с луны свалилась. – Никогда не выезжала?

– Вот в первый раз. Не до того было.

Он покачал головой.

– Великие боги, Катя! Я-то думал, ты давно объездила весь мир, вообще из России уехала, потому и не показываешься!

– Нет, Данила-мастер, – ответила она, называя его прозвищем, принятым в старой компании, – я очень скучный человек. Никуда не езжу, ни с кем не встречаюсь, работаю все там же. И живу в той же квартире.

– В Жуковском?

– Да. Там воздух хороший.

Чистая правда, между прочим. Катерина предпочитала каждый будний день проделывать длинный путь – сначала на электричке, потом на метро – туда и обратно с работы и на работу, лишь бы жить среди сосен в Подмоскowie. Москва, вечно перегруженная, как обрюзгшая тетка с тяжелыми сумками, ее как место жительства не прельщала.

– Верность традициям делает тебе честь, – глубокомысленно произнес Даниил и съел сосиску.

Он, конечно, изменился – Катерина чувствовала, она всегда очень чутко ловила его интонации и движения, – но не настолько, чтобы не узнать. Стал одеваться сдержаннее, хотя браслеты на руках остались, и джинсы щеголяют изысканными потертостями в неожиданных местах, а вот рубашка, сменившая привычные забавные футболки, – это новшество. Хотя сейчас же рабочий день...

– Послушай, – сказал Даниил, прожевав, – если так все сложилось и ты впервые в Риге, как смотришь на то, чтобы я показал тебе этот город?

Катерина едва не поперхнулась своим вкусным капучино.

– Я... не хотела бы тебя утруждать.

– Это не труд, а радость. Я и не думал, что так буду рад тебя видеть, если встречу. Я хорошо знаю город, люблю его, и я... – Тут он осекся. – Прости, я не подумал. Ты здесь не одна?

Вот он, момент истины. Сейчас можно соврать, что она приехала с женихом или еще лучше – с мужем (ну и что, многие не носят обручальных колец), вежливо распрощаться и никогда больше Даниила Серебрякова не видеть. Не станет же он за ней следить, не такой человек. Если его просят оставить кого-то в покое – он оставляет.

Но Катерина физически не могла ему лгать.

– Я одна.

– Тогда как ты смотришь на мое предложение?

– Тебе ведь нужно готовиться к выставке, – напомнила Катерина.

– Да бог с ней, с выставкой, я готов давно. Сам себе начальник, помнишь? Могу хотя бы денек провести так, как мне хочется. Соглашайтесь, мадемуазель, я покажу вам лучшее, что есть в этом унылом городишке.

Катерина засмеялась. Впервые за долгое время.

Стоило сказать ему «нет».

– Да, – сказала Катерина, – это будет приятно.

Когда они закончили пить кофе, Даниил сообщил:

– Мне нужно зайти на час на работу, это здесь же, неподалеку, а потом я полностью в твоём распоряжении. Хотел бы показать тебе мою берлогу. Не откажешься?

– Нет.

Она уже решила, так какой смысл отказываться?

Хотя Катерина понимала, что попалась. Коготок увяз, и все, дальше будет только хуже. Или лучше? Может, после этой встречи все воспоминания, скопившиеся в ней, наконец станут простыми воспоминаниями?

Кто знает...

Она его не видела шесть лет. А знает – уже девять. Все эти девять лет, даже не присутствуя рядом физически, Даниил все-таки... был. Кроме него, никого толком и не было.

Впервые Катерина увидела его в компании, собиравшейся у Анжелы, куда она сама попала случайно. Отправилась на выставку снимков с видами дикой природы, чуть не столкнулась с девушкой, внимательно рассматривавшей, как бурый медведь с чувством, толком и расстановкой пожирает лосося, и от неожиданности сказала что-то про этого медведя. Девушка ответила, завязался разговор, и выяснилось, что Анжела – уникальное существо, способное разговаривать даже такую замкнутую особу, как Катерина. Анжела потащила новую знакомую в гости, и Катерина пропала.

Она никогда не отличалась особой коммуникабельностью, одной ей было гораздо комфортнее, чем в окружении людей, и Катерина совершенно от этого не страдала. Мама сначала удивлялась, потом привыкла – к отсутствию подруг в доме, к тому, что дочь после школы или курсов сразу идет домой... Первый парень появился у Катерины в восемнадцать, она встречалась с ним полтора года и рассталась незадолго до знакомства с Анже-

лой. Из отношений Катерина вынесла несколько сакральных знаний, вроде того, что секс может быть приятным, что своими интересами ради другого человека радикально поступаться нельзя и что лучше быть одной, чем вместе с кем попало.

Она никогда не «зависала» в шумных компаниях и до сих пор не понимала, как именно ей удалось прижиться у Анжелы. Нет, естественно, Катерина не переехала туда, в громадную пятикомнатную квартиру на Пятницкой, где Анжела жила вместе с родителями. Но атмосфера, царившая там, покоряла.

Родители Анжелы были людьми нестандартными: мама – преподавательница музыки, довольно известная пианистка, отец – владелец небольшого издательства; сама Анжела, обнаружившая в себе склонность к языкам и потрясающие способности к их усвоению, училась на переводчика-синхрониста. Еще здесь наличествовала бабушка, великолепная дама, в свои семьдесят носившая каблуки и державшая спину так прямо, словно имела балетное прошлое. Сюда приходили очень разные люди – писатели, художники, академики навещали старшее поколение, а молодежь, учившаяся в архитектурном, в Литинституте или Гнесинке, забегала, чтобы провести несколько часов со своими. И сложилась постоянная компания, человек пятнадцать, которые общались между собой и приходили в квартиру на Пятницкой по субботам.

Катерина до сих пор иногда удивлялась, как ей удалось стать своей среди этих людей. Но Анжела обладала способностью вписать в компанию даже березовое полено, при этом заставив его чувствовать себя непринужденно. Большую часть времени Катерина помалкивала, и никто не заставлял ее участвовать в общей беседе; ну хочет человек просто сидеть и слушать – пускай сидит и слушает. Когда она хотела что-то сказать, к ней не относились как к дурочке, которая ничего не понимает; никого здесь не интересовало, что у нее пока нет высшего образования, что она учится на секретаря-референта, а не на искусствоведа, и что живет в маленькой квартирке вместе с мамой. Тут была просто Катерина – и эти люди ее не пугали, как происходило обычно с другими знакомыми. Они ей нравились, чем дальше, тем больше.

Особенно один.

В компании его весело звали Данила-мастер. Он был лет на семь старше Катерины, то есть на момент знакомства возраст его приближался к тридцати, и в то время, взяв от жизни если не все, то практически все, Даниил Серебряков окончательно и бесповоротно определился с делом своей жизни. Он был ювелиром, и, как выяснилось, ювелиром от бога. Созданные им украшения походили то на фантазии футуриста, то на нежные детские сказки, то на цветы и листья, застывшие в камне. Даниил пробовал, искал, результаты его экспериментов неплохо продавались, однако это совершенно не мешало ему оставаться «своим парнем». Он умел играть на гитаре и петь, знал массу всего интересного, танцевал, носил смешные футболки и драные джинсы, звенел браслетами на сильных смуглых руках и умел слушать так, что ему хотелось рассказать все, как исповеднику.

Конечно, у него была девушка – стройная рыжеволосая красавица, любившая выезжать на ролевые игры в лес и играть на флейте. Катерина даже и не думала, что могла бы с нею равняться, и понимала всю справедливость такого распределения биомассы в пространстве: лучшим достаются лучшие. Это не помешало ей по уши влюбиться в Серебрякова. Да что там, половина девушек в компании, наверное, тайно по нему вздыхали. Однако за счет большого количества людей и присутствия других мужчин в компании у девушек имелся выбор; для Катерины его не стало, когда она увидела Даниила.

Она месяцами пыталась избавиться от этой глупой, сжигающей душевной привязанности. Она не могла ему ничего сказать, и еще больше становилось оттого, что в обществе Даниила Катерина оживала. Он был Пигмалионом, она – Галатеей; когда он разговаривал с ней, откуда-то брались нужные слова, с ним Катерина чувствовала себя непринужденно,

будто знала всю жизнь. Влюбленность, как она читала, частенько сковывает, а не раскрепощает, но у нее все произошло наоборот. При нем она могла смеяться, даже подпевать, когда гитару пускали по кругу. Даниил дружил с нею так же, как и со всеми остальными, и за три года они неплохо друг друга узнали, Катерина даже побывала несколько раз у него в гостях. Его родители были археологами, у Даниила оказалась большая дружная семья, и Катерина подумала тогда, что вот хорошо бы познакомиться с его родственниками маму, затем испугалась этих мыслей и не познакомилась.

Через три года Катерина поняла, что так нельзя. Жизни ей не будет. Или она найдет в себе силы избавиться от этой привязанности, заранее обреченной, или же так проведет всю жизнь, изводя себя. Она прорыдала всю ночь и приняла решение. Сначала стала реже появляться в компании, отговариваясь занятостью на новой работе, потом сказала Анжеле, что нужно побыть одной, и исчезла с горизонта. Анжела звонила, писала электронные письма, но Катерина все игнорировала, и в конце концов от нее отстали.

Было мучительно больно и не хватало живого допинга, но через год стало проще, потом еще проще. Катерина никогда и ничего не забывала, забыть Даниила было просто невозможно, однако время делало свое доброе дело, и появилась надежда, что ее все-таки отпустит. Смерть мамы перевернула мир с ног на голову, и долгое время память о Данииле оставалась отложенной на дальнюю полку. Там она закуклилась, уснула, почти освободив Катерину.

И когда свобода маячила уже перед носом...

Идти оказалось совсем недалеко – одну улицу пройти, да и все. «Берлога» Серебрякова находилась в старинном здании рядом с большим торговым центром. Даниил пропустил Катерину вперед в подъезд, кокетливо украшенный каменными завитушками.

– Прошу.

– Это дом какого века? – спросила она, поднимаясь по лестнице, закрученной, как штопор.

– Восемнадцатого или девятнадцатого, я не помню, – откликнулся Даниил беспечно. – А может, и пятнадцатого. Хотя нет. Пятнадцатого у нас мало, и на другой улице.

– Что бы сказали твои родители?

– Что я не должен заниматься ерундой, – усмехнулся он. – Многие знания – многие печали. Кстати, если хочешь, я передам от тебя привет.

– Они... Как они поживают?

– Великолепно, как всегда. Копают. Они не могут не копать. Вот, пришли.

Офис располагался на четвертом этаже, под самой крышей, и невероятно Катерине понравился. Это действительно была берлога – под скошенным потолком, с выкрашенными в черный цвет балками, светлая, просторная, хорошо пахнущая. Она очень подходила Даниилу.

– Всем привет.

– Ты же говорил, что не появишься, – удивилась худенькая белокурая девушка, сидевшая за столом у окна, и с любопытством посмотрела на Катерину.

– Я передумал.

– Как обычно. – Из-за шкафа, стоявшего как-то боком, выглянул парень, тоже светловолосый. Говорил он с осязательным акцентом, да и в речи девушки прослеживалась незнакомая плавность. – Даниил, я разговаривал с Бернардом, но... – Тут он заметил Катерину. – Здравствуйте.

– Здравствуйте, – сказала Катерина.

– Катя, познакомься, это мои подчиненные, которых я нещадно эксплуатирую. Айна отвечает у нас за цифры, Марис – за заказы. Айна, Марис, это моя давняя подруга Катерина, из Москвы.

– Добрый день, – сказала Айна и улыбнулась. – Хотите кофе?

– Мы только что пили...

– Можно и еще попить, – заявил Даниил. – Пойдем, Кать, покажу тебе свой начальственный кабинет. Так что там с Бернардом?

– А. Он задерживает поставку. – Марис открытой ладонью потер подбородок. – Говорит, что не укладывается в сроки. Тебе нужны эти камни срочно или можно передвинуть доставку на два-три дня?

– А у нас есть выбор?

– Искать другого поставщика, но...

– Я все понял. Будем ждать, и напomini мне потом, чтобы я сделал ему внушение. Это уже в третий раз.

Айна, возившаяся у кофеварки, обратилась к Катерине:

– *Ar pīenu vai bez?*.. – И тут же сообразила: – Ой, простите. Вам с молоком или без?

– С молоком.

– Я могу сделать латте.

Катерина молча кивнула. Внезапно накотившая ностальгия была такой острой, что даже в животе заныло.

Это настроение, которое здесь царило, которое чувствовалось, стоит дверь открыть, – оно уже знакомо, оно существовало там, в квартире на Пятницкой. Катерина ушла оттуда, но люди, создававшие настроение, остались прежними. Даниил приехал в Ригу, открыл здесь офис и мгновенно создал мирок, куда можно приходить с удовольствием и без опаски. Это чувствовалось – в непринужденном «ты», обращенном к начальнику, в готовности бухгалтерши сделать незнакомке чашку кофе, в смешных картинках и открытках на стенах, даже в солнечном свете, косыми лучами падавшем из окон на потолок. Оказывается, по этому можно очень сильно соскучиться.

– Ну, идем. – Даниил махнул Катерине. – Вперед, в настоящее логово.

Девушка поспешно взяла у Аины из рук кофейную чашку и, стараясь не расплескать, понесла ее за Даниилом.

Логово – это было точно сказано. Менее всего начальственный кабинет Серебрякова походил именно на кабинет. Это была мастерская – с широким столом, заваленным всякой всячиной, со шкафами, набитыми барахлом, с мощными лампами. Вместо ковров тут лежали решетчатые циновки, стены, в отличие от предыдущей комнаты, были покрыты лаком – Катерина заметила это, так как солнце царило в данной комнате безраздельно. Отдельно стоял собственно ювелирный верстак, на котором все, в отличие от стола, было разложено аккуратно. Даниил расчистил место на столе, чтобы Катерина могла поставить чашку, и придвинул стул, однако садиться она не стала – очень уж хотелось осмотреться.

– Так ты здесь и работаешь?

– Отличное место. Летом солнце нагревает крышу, но у меня кондиционер стоит. Правда, периодически забивается редкими металлами. – Даниил прошелся по кабинету, что-то поправил на верстаке. – В остальном же проблем нет. В Москве у меня мастерская побольше, плюс там на меня еще пара человек работает, а здесь я один, совсем один.

Катерина не хотела думать об этом, но подумала: интересно, он женился на той рыжеволосой Юлии, или на другой, не менее прекрасной девушке? Серебрякову уже под сорок, в такое время мужчины обзаводятся семьей даже в нашем нестабильном мире. Хотя что она знает о мужчинах? Смешно. Спрашивать Катерина об этом не стала, спросила о другом:

– Ты говоришь, через неделю выставка? Что-то особенное к ней готовишь?

– Если захочешь, я тебе потом покажу, все драгоценности не здесь, а в банковском хранилище. Когда я приехал сюда и решил задержаться, то понял, что буду работать с местными материалами – это меня вдохновляет. – Он говорил непринужденно, прохаживаясь

туда-сюда; солнечные блики, словно котята, лизали его гладкие волосы. – Потому я создал коллекцию на основе латышских легенд и сказок, используя янтарь, перламутр, серебро, жемчуг... Но, конечно, янтарь в основном. Его тут много. Устье Даугавы делит берег Рижского залива на две части – Янтарный и Солнечный берег. По-латышски – Дзинтаркрастс и Саулес крастс.

– Это очень красиво, – произнесла Катерина. – А ты говоришь по-латышски?

– Выучил. Мне понравилось, как он звучит. – Даниил взял зачем-то пассатижи, повертел и положил на место. – Оказался довольно легким, да и с местными проще общаться. Когда нанял Айну и Мариса – они семейная пара, шли в комплекте, очень удачно, – они меня натаскивали в плане произношения. Я не виртуоз, но объясняюсь вполне прилично.

– Наверное, так действительно проще, – вздохнула Катерина. – Русских тут не любят?

– Миф, – отрезал Даниил, – причем устаревший. Националисты есть везде, от этого никуда не денешься, и у многих местных национальное самосознание все-таки развивается, слава богу. Кое-кто может кричать, что всех русских нужно выставить отсюда, но... Русских здесь больше тридцати процентов населения, раньше было более сорока, пока Латвия не вошла в зону шенгенского соглашения и для граждан не открылась возможность работать в Европе. Многие уехали... но многие и остались. А молодежи вообще все равно. Здесь забавно получилось. – Он усмехнулся. – Русские ребята обучались вместе с латышами в государственных вузах, и произошла взаимная интеграция, получилась билингвальная прослойка с культурными ценностями, которые во многом совпадают. Иногда я сижу в кафе, за столиком соседним компания, говорят то на русском, то на латышском, и не разберешь, кто они! А им наплевать. Им и так хорошо. Да за примерами далеко ходить не нужно – вот, мои помощники драгоценные, Айна говорит без акцента, Марис – с небольшим...

Катерина так заслушалась, что, потянувшись за чашкой, окунула пальцы в пенку – благо кофе уже немного остыл.

– Ой...

– Если хочешь вымыть руки, ванная вот за этой дверью, – мгновенно сориентировался Даниил.

– Настоящее логово, – улыбнулась Катерина и пошла осваивать удобства.

За дверью в углу располагалась довольно просторная ванная, с душевой кабиной, задернутой позитивной оранжевой шторкой, и с таким же скошенным потолком, как и в других помещениях. Катерина никогда не бывала в офисах или квартирах на чердаках старых домов, и это место ей очень понравилось. Оно подходило Даниилу, было нестандартным, как и он сам. Катерина усмехнулась: конечно, ей нравится все, что окружает Даниила, потому что она неравнодушна к нему. Пускай на один день, но она оказалась в его жизни, и это можно назвать настоящим чудом. Катерина о таком даже и не мечтала. Возможно, после этого тоска не уйдет, а, наоборот, усилится, но сейчас казалось, будто дело того стоит.

Даже мыло у раковины оказалось необычным: прямоугольное, словно отрезанное от большого куска, нежно-оранжевого цвета. Катерина взяла и понюхала – пахло апельсином. Интересно, где берут такое мыло?

Она тщательно вымыла руки, вытерла их пушистым полотенцем и решила вернуться в мастерскую (назвать ее офисом язык не поворачивался), однако, подойдя к двери, оставшейся едва заметно приоткрытой, услышала, что Даниил говорит с кем-то, и это – не его помощник. Значит, пока Катерина была в ванной, пришел человек, ради которого Даниил и зашел в офис. Наверное. Невежливо будет вваливаться посреди деловой встречи.

Обрывок разговора, донесшийся до ее ушей, заставил Катерину замереть на месте. Что бы там ни было, такую беседу прерывать точно не стоит.

3

*Стабрадзе отвечала ему:
«Успеха тебе мы желаем!
Трудно придется тебе, герой,
Бороться со злыми врагами,
Что подползают исподтишка...»*

В мироздание нужно верить.

Даниил всегда так полагал. Мироздание – чертовски занятная штука, если научиться с ним обращаться. В какой-то момент Даниил стал замечать, что правильно сформулированное и высказанное вслух – сбывается.

Впервые он смутно осознал это в десять лет, когда не захотел пойти в школу до зубов-ного скрежета. Предполагалось две контрольные, и хотя Даниил был готов к ним (учился он неплохо), за окном сеял мелкий противный дождь, а до школы тащиться далеко. Мальчик припелся на кухню, где мама с папой пили кофе и весело обсуждали какую-то институт-скую ситуацию, и заныл, что болеет и никуда не пойдет.

– Болеешь? – переспросила мама и приложила к его лбу узкую прохладную ладонь. Даниил для наглядности чихнул. – А может, у тебя воспаление хитрости?

Даниил вздохнул и сознался, что вполне может быть.

– Ладно, Маш, ты чего, – сказал папа, – пусть один день посидит дома, должны быть у ребенка праздники.

– Может быть, – сказала покладистая мама. – Ладно, Дань. Раз в полгода можно, только системой это становиться не будет. Ты согласен?

Он обрадованно закивал.

– Я позвоню учительнице, – вздохнула мама.

Весь день Даниил провел как в сказке. У отца не было лекций, и они вдвоем долго сидели над книгами и картами, и отец показывал украшения, найденные на раскопках в Египте.

Пришедшая вечером мама пощупала ребенку лоб и встревожилась.

– Вот и наврали учительнице... Данька, марш в постель!

И что же? Неизвестно откуда взявшаяся ангина избавила Даниила от школы на две недели. Это, конечно, было приключение, однако не настолько увлекательное, как можно предположить.

Затем Даниил все чаще и чаще сталкивался с тем, что все в мире взаимосвязано и подчинено определенным законам. Ни один человек не приходил в его мир просто так; каждый нес какой-то опыт, урок, знание или просто удовольствие, необходимое в нужный момент. С годами Серебряков научился этим пользоваться, и, пожалуй, это добавило в жизни счастья.

Вот и сегодня утром, проснувшись в смутном расположении духа, Даниил позвонил в офис, сказал, чтоб ждали попозже, и отправился бродить по городу, надеясь, что либо снизойдет вдохновение, либо встретится на пути нечто меняющее знак минус на плюс.

Когда он увидел Катю у Лаймовских часов, то глазам своим не поверил. Это было лучше всех знаков, вместе взятых.

Пока Даниил ее не увидел, то и не знал, что так по ней... соскучился. Да, правильно.

Она ему нравилась. Тогда, когда еще общались, – а потом она незаметно исчезла, и Даниил заметил ее исчезновение только через некоторое время, и, когда заметил, было поздно. Анжела пожимала плечами и говорила, что она честно пыталась достучаться, но, если у человека обстоятельства, особенно у такого, как Катя, давить не стоит.

– У какого – такого? – уточнил тогда Даниил.

– Она же очень замкнутая, – объяснила Анжела. – Я так радовалась, когда она вписалась к нам, но, наверное, ей было тяжело, и мы ее утомили. Мне ужасно жалко, я надеюсь, она еще появится.

Даниил удивился. Ему Катя не казалась замкнутой. Застенчивой – да, немного неуверенной в себе – да, но она умела общаться, причем интересно, и с ней не бывало скучно. И она была хорошенькая – худенькая, темноволосая, ладная, с огромными ореховыми глазами, которые словно сияли на треугольном личике. Даниил несколько раз думал о том, что Катя ему нравится несколько больше, чем следовало бы. Он встречался с Юлей, и Юля не заслуживала ни предательства, ни подобных размышлений, а потому Даниил Кате звонить не стал – незачем создавать неловкую ситуацию.

Но вдруг он встретил ее на улице, выхватил взглядом в толпе и понял, что не забыл.

Она изменилась, конечно, не сильно, однако ощутимо – и впервые Даниил понял, о чем говорила Анжела. Замкнутость Кати походила на рыцарские доспехи, которые привычно и удобно таскать. Может, это объяснялось смертью матери. Может, чем-то другим. Мироздание преподнесло Даниилу факты на раскрытых ладонях, и он не собирался упускать такую возможность. Если судьба хочет, чтобы он встретил Катю, то это определенно неспроста.

Он привел ее в офис и улыбался, видя, что ей нравится. Ей было интересно, и Даниил надеялся, что попозже ему удастся все-таки вытянуть из нее, как она жила эти годы. Главное – не спугнуть, этого почему-то совсем не хотелось.

Катя ушла мыть руки, а он сел в крутящееся кресло, повернулся в нем пару раз, солнечный язык лизнул брюки, и вдруг... вдруг Даниил придумал.

Черный оникс и серебро, может быть, черное. Огранка розой. Словно глаз на одном крыле, подвешенном на длинной тонкой цепочке. Добавить подложку, положить крыло... хм... на что? Нечто воздушное, иначе будет слишком тяжело. Серебряная сетка, да. Пусть это будет ветер, который шевелит перья на крыле.

Даниил подтянул к себе один из многочисленных блокнотов и начал рисовать – быстро, крупными штрихами, пока идея не убежала.

Заглянула Айна.

– Шеф, пришел какой-то господин, хочет тебя увидеть. О встрече он не договаривался.

– Ну, пусть зайдет, – рассеянно сказал Серебряков. Он вырисовывал завитки «ветра» и надеялся, что визитер, кто бы он ни был, явился ненадолго. Даниилу нужно было подписать бумаги, которые готовила Айна, а затем можно и отправляться в вольное плавание до завтрашнего дня. Крыло на рисунке обретало очертания.

– Добрый день.

Даниил поднялся навстречу визитеру и протянул руку.

– Здравствуйте.

– Я без приглашения, за что прошу извинить, – улыбнулся мужчина. Даниил его ни разу до этого не видел, запомнил бы. Незнакомец был хорош какой-то неестественной, глянцево-красотой; словно извлеченный с картинки в модном журнале, он явно относился к той породе людей, про которых говорят, что они родились в костюме. И рождение это произошло в месте, где вечно царит благополучие, что подчеркивают и дорожные часы, и влажный блеск запонок на хрустяще-белоснежных манжетах, и итальянская обувь. – Мы незнакомы. Ростислав Белозерский.

– Даниил Серебряков. – Он указал на кресло напротив: – Прошу, садитесь, – и уселся сам. Недоделанный рисунок манил, и Даниил, взяв карандаш, принялся водить им по бумаге, скосив на нее глаза. – Кофе? Чай?

– Благодарю, нет.

– Чем могу помочь?

- Мне нужно, чтобы вы добыли для меня несколько вещей.
- В смысле – заказать? Мы не занимаемся заказами украшений других мастеров.
- В смысле – украсть. Этим вы совершенно определенно можете заняться.

Ему удалось привлечь внимание Даниила; тот мгновенно позабыл о рисунке и установился на визитера. Ростислав Белозерский безмятежно улыбался.

– Это шутка такая? – недоверчиво поинтересовался Даниил. – Розыгрыш? А где скрытая камера?

- Никаких шуток. Вы ведь участвуете в выставке?
- Да, участвую, и что?
- Вы в курсе, кто в этом году приглашенные гости?
- Разумеется.
- И что они привезут?
- Да. И?..
- Мне это нужно.

Даниил бросил карандаш на стол и сказал:

– Я не хотел бы вам хамить, поэтому просто уйдите. Если это розыгрыш, то все уже посмеялись, если нет, то нам тем более не о чем беседовать.

– Ошибаетесь, – покачал головой Белозерский. – У нас масса тем для разговора. Чтобы он протекал более... заинтересованно, ознакомьтесь, пожалуйста, вот с этим.

Он извлек из внутреннего кармана пиджака конверт и аккуратно положил его перед Даниилом. Серебряков подумал минуту, затем все-таки открыл конверт и вытряхнул из него на стол две фотографии. Посмотрел на них и так, и эдак.

Личность, имевшаяся на фото, была Даниилу известна – не кто иной, как друг и помощник Вадим Уткин. Сейчас он находился в Москве и должен был приехать в среду. На фото полуразмытый, но вполне узнаваемый Вадим стоял в каком-то помещении над большим стеклянным ящиком и что-то с ним делал. Внизу имелась метка, извещавшая желающих, что снимок сделан семь лет назад – и только тут Даниил сообразил, что это распечатанный кадр с видео, снятого с камеры наблюдения. На втором фото Вадим наблюдался с другого ракурса, но ящик оставался прежним.

– И что? – Даниил бросил фотографии на стол. – Кто вы вообще такой?

– Простите, я действительно не отрекомендовался так, как следовало бы, – вздохнул Белозерский. Он оставался безукоризненно вежливым и сдержанным, как будто сидел на переговорах в совете директоров, где без позволения главного все чихнуть бояться. – Я, скажем так, человек вольной профессии, который обладает хорошим вкусом и весьма ценит выгоду. У меня выслуга лет и репутация, поэтому на вашем месте я бы выслушал внимательно. Я не люблю повторять.

– Проще говоря, – перебил посетителя Даниил, которому все еще казалось, что его разыгрывают, – вы аферист, что ли?

– Это слишком грубо, но, если вы не способны осознать всю тонкость моей профессии, можно сказать и так. – Белозерский поправил манжет рубашки. – Время дорого, а потому я коротко объясню, что мне от вас нужно. Вы участвуете в выставке, которая открывается на этих выходных в Доме конгрессов. В качестве приглашенных гостей присутствуют французы, которые привезут часть исторической коллекции Лувра. Этруссские ископаемые меня не интересуют, но вот несколько коле и браслетов Средневековья – вполне. Когда мы с вами придем к соглашению, я укажу вам, какие именно предметы вы должны для меня добыть.

– Бред, – озвучил Серебряков свое видение ситуации.

– Никакого бреда, Даниил Васильевич. – Белозерский вдруг перестал быть безмятежным, выключил улыбку и чуть подался вперед. – Как я уже сказал, не люблю терять время. Условия сделки просты. Вы имеете доступ на выставку как один из ее участников, вы выстав-

ляете свои украшения – значит, имеете понятие о системе охраны. Вам будет выдан ключ, чтобы вы смогли пройти и работать со своими вещами в любое удобное время. Не бог весть какая охрана, и вы фактически ничем не рискуете. Но я понимаю, что для решительных действий подобного рода требуется мотивация. – Он указал на лежащие на столе фотографии. – Вот она. Вы в курсе, что ваш нынешний помощник, господин Уткин, до поступления на эту, несомненно выдающуюся, должность был банальнейшим вором?

Даниил промолчал. Ощущение розыгрыша усиливалось.

– Сейчас и не скажешь, – продолжал странный тип Белозерский, который нравился Даниилу все меньше и меньше. – Респектабельный человек, семейный... Однако некоторое время назад он был весьма любопытен насчет чужой собственности. И работал как раз по ювелирным украшениям. Однажды в Берлине он перешел мне дорогу, когда унес то, что по праву предназначалось мне. Я такого не люблю. Кадры, которые я вам показал, – скриншоты с камер наблюдения в одном небезызвестном берлинском музее; разумеется, у меня есть полное видео, а вот у полиции его, увы, не было. Я мог бы сдать этого человека Интерполу, благо в Европе он успел достаточно наследить, но... Но ведь всегда ищи, где выгоднее, правда? Я заставил его отдать найденное и проинформировал, что долг за ним. Он ушел на дно, остепенился... Но вор не бывает бывшим, вы знаете?

– Так почему бы вам не попросить его об услуге? – хмыкнул Даниил. Он всерьез предполагал, что где-то работает скрытая камера. Не может этот человек говорить не в шутку. – Зачем вам понадобился я?

– О, все просто. Во-первых, вам легче добраться до коллекции, вряд ли такой допуск будет у вашего помощника. Его появление в Доме конгрессов в неурочное время покажется более подозрительным. Во-вторых, господин Уткин... как бы это выразиться точнее... туповат. Руки у него растут из нужного места, однако ему не хватает сообразительности. А если то, что я о вас знаю, правда, вы вполне способны справиться с задачей. К тому же господин Уткин, если его застанут на месте преступления, может не выдержать и рассказать силам правопорядка обо мне. Это стало бы прискорбно.

– Почему вы полагаете, что я этого не сделаю? – холодно осведомился Даниил.

– Вы человек иного склада. – Белозерский сложил пальцы шатром и закинул ногу на ногу. – Вы вроде тех мушкетеров, которые готовы томиться в кардинальских темницах, но не погрязнуть в верности и чести. Вас проще мотивировать. У господина Уткина семья; что будет, если я отошлю в Интерпол эти пленки, на которых запечатлено его преступление? Вы можете себе представить. К тому же, кроме него, у вас самого в окружении много людей, вам безразличных. Ваши родные, сотрудники здесь и в Москве, ваша девушка, например... Не хотите же вы, чтобы с ними что-то произошло?

– Вы угрожаете физической расправой?

– Я не люблю насилия, – сознался Белозерский даже с некоторым сожалением – дескать, любил бы, и жизнь стала бы проще. – Однако без колебаний применю его, если вы вздумаете играть не по моим правилам. Я не один, и люди, которые работают на меня, не все отличаются склонностью к гуманизму. Если вы проделаете все так, как я вам объясню, никто не пострадает, более того – полиция не сможет найти виновного. – Он поднялся, и Даниил тоже встал. – Понимаю, что сложно осознать сказанное мной. Подумайте об этом. Даю вам время на принятие решения – до завтрашнего вечера. И если вы вздумаете позвонить в полицию и передать им наш разговор, то должны понимать: у вас нет никаких доказательств, вы впустую растратите время, а я рассержусь, и это будет иметь последствия. Опрометчивые поступки – не ваш конек, пускай так и останется.

Улыбаясь, он протянул Даниилу руку; тот не пошевелился, и Белозерский, одарив собеседника понимающим взглядом, развернулся и пошел к двери. Когда та закрылась за ним, Даниил спросил у потолка:

– Что это было?

Вопрос остался без ответа, однако Даниил знал, у кого ответы могут быть. Если это розыгрыш, над ним хорошо смеяться совместно, если нет... тогда он подумает о свалившейся на него проблеме, когда выяснит все обстоятельства.

Сидеть и рисовать больше не хотелось. Даниил вытащил из кармана телефон, отошел в угол мастерской, к верстаку, и, перебирая на нем инструменты, лежавшие до сих пор в нужном порядке, набрал номер Вадима.

После десяти длинных гудков Уткин ответил. Судя по шуму, он находился на улице.

– Алло! Алло!

– Вадим, это я, – сказал Даниил и поменял местами мини-весы с банкой наполнителя для сухой полировки. – Ты не в метро?

– Нет, как раз вышел. Сейчас в магазин зайду. – В трубке стало отчетливо тише. – Что-то срочное?

– Ко мне приходил Ростислав Белозерский. Знаешь такого?

В трубке повисло молчание, в котором содержались, наверное, все неотвеченные вопросы вселенной. Наконец Вадим тихо спросил:

– А... зачем он приходил?

– Знаком с ним?

– П...предположим.

– Предположим или да?

– Да, знаком.

– И знаешь, на какой ниве он неустанно трудится?

– Даниил... – Уткин умолк.

Серебряков подождал еще немного, ответа не дождался и резюмировал:

– Значит, это все не розыгрыш? Не очередное телешоу, а, Вадик?

– Я... не очень понимаю, о чем ты.

– Я не хочу обсуждать это по телефону. Значит, так, Вадим. Ты должен быть в Риге сегодня вечером, максимум завтра утром.

– Но я не закончил...

– Меня не волнует, что ты не закончил, – перебил Даниил. – Бросай все и прилетай сюда. Если на самолет билетов нет, бери на поезд, на автобус. Меня не волнует, как ты сюда доберешься, но не позднее завтрашнего утра ты должен быть, и мы разберемся с тем, что происходит. Я ясно выразился?

– Да, шеф. Ясно.

– Скинь эсэмэску, когда будешь знать время приезда.

Не дожидаясь ответа, Даниил нажал кнопку отбоя. Айфон приветливо светился, показывая на заставке улыбающихся отца с матерью, однако сейчас при взгляде на их счастливые лица Даниилу сделалось тошно.

Если лощеный Белозерский – не шутник высокого класса и здесь не понаставлено «жучков», значит, говорил он всерьез. Даниил отдавал себе отчет, что работает в довольно опасном бизнесе. Ювелирные украшения – не та стезя, которая не заинтересует воров. Если бы он торговал капустными кочанами, и то риск имелся бы, а вот ювелирка... Явление такого персонажа, как Белозерский, в принципе объяснимо, хотя Даниил никогда не думал, что сможет заинтересовать криминальных личностей. Не те обороты.

За спиной у него раздался какой-то звук, и, повернувшись, Даниил увидел Катю. Он совершенно о ней забыл, когда Белозерский огорошил его своим великолепным предложением, и только сейчас вспомнил, что она ушла мыть руки. И не вернулась. Наверное, решила не мешать разговору Даниила с посетителем. Интересно, как много Катя услышала? Гово-

рили они не скрываясь, а между ванной и мастерской только деревянная перегородка, и слышимость тут в принципе неплохая...

У Кати полыхали щеки. Судя по всему, слышала она немало. Взяла сумочку, лежавшую на стуле, и попятилась к двери.

– Даниил, извини, я... пойду, наверное...

– Стой, – сказал он, оставляя в покое переложённые как попало инструменты и засовывая телефон в карман. – Не надо куда-то уходить. Я сейчас закончу с офисными делами, и мы пойдем гулять. Мы же договорились.

– Я думаю, тебе сейчас не до меня. – Катя смотрела не на него, а в сторону.

– Давай начистоту. Сколько ты слышала?

– Я... все. Я не хотела, но вы громко говорили.

Она не стала врать и делать вид, будто ничего не случилось, и это Даниилу понравилось. Если бы Катя сейчас начала изворачиваться или сыпать вежливыми, ничего не значащими фразами, то Серебряков сам проводил бы ее на выход. Но она краснела, смотрела вбок и говорила правду.

– Это не твоя проблема, – произнес Даниил, – думаю, и не моя тоже. Я вызвал помощника, он придет, и мы с ним разберемся – или разбираться будет он. В конце концов, господин Белозерский – его знакомый. А мы с тобой идем гулять, только я выясню, что с моими долгожданными бумагами. – Он прошествовал к двери мимо смущенной Катерины и выглянул в предбанник. – Aina! Kur ir tie līgumi, kurus man vajag parakstīt?

– Vienu minūti, jau drukāju.

– Labi². – Он вернулся в мастерскую. Катя стояла на прежнем месте и теребила сумку. – Еще пять минут, полагаю, и мы с тобой будем свободны. И, пожалуйста, не принимай близко к сердцу то, что ты услышала, ладно?

– Ты хочешь сказать, что с тобою подобное регулярно происходит? – Катя наконец посмотрела ему в лицо. – Это привычное дело – отбиваться от мошенников?

– Нет, это в первый раз. Поэтому, может, я и не могу поверить, что такое произошло. – Даниил улыбнулся. – Не бери в голову. Я это решу.

– Хорошо, – кивнула она, чем снова его удивила. – Если ты не хочешь, мы не станем это обсуждать.

² – Айна! Где те договора, которые я должен подписать? – Одну минуту, уже печатаю. – Хорошо. (лат.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.